

**CONNECT
UNIVERSUM
2016**

МАТЕРИАЛЫ
III Международной трансдисциплинарной
научно-практической WEB-конференции
CONNECT-UNIVERSUM – 2016

**ЦИФРОВОЕ
КОЧЕВНИЧЕСТВО
КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ
И СИБИРСКИЙ ТРЕНД**

24–26 мая 2016 года

**Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Кафедра социальных коммуникаций**

«СТАБИЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ» КАК ВНУТРЕННЯЯ ЗОНА КОМФОРТА ЦИФРОВОГО КОЧЕВНИКА

С. В. Шибаршина, канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры философии,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
E-mail: svet.shib@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблеме нестабильности в жизни и мироощущении цифрового кочевника. В рамках традиционно оседлого подхода нестабильность кочевой жизни часто оценивается негативно как отсутствие устойчивости, предсказуемости, контроля, гарантии безопасности. Шаг в неизвестность кочевой жизни может расцениваться как своего рода прыжок в бездну. С точки же зрения цифровогономада, подобная нестабильность способна предстать как бездна возможностей. Примечательно, что, придерживаясь минимализма (минимум вещей, минимум ценового уровня, в рамках которого номад часто подбирает себе жилье, транспорт и т.п.), кочевник, тем не менее, способен получить удивительный максимум возможностей: помимо любимой работы, знакомства с новыми культурами, выбора подходящих в тот или иной сезон климатических условий и пр., номады умудряются даже стать родителями и при этом сохранять кочевой образ жизни. Что же остается устойчивым и стабильным во внешне меняющемся мире, где пространственно-временные координаты становятся более размытыми и неопределенными? Прежде всего, на наш взгляд, способность цифрового кочевника самостоятельно организовывать свою пространственно-временную сетку, в том числе в плане распорядка дня. Далее, способность выстраивать внутренне стабильный мир через особое отношение к внешне изменчивому, которое будет восприниматься конструктивно – как возможность внутреннего развития. Номад формирует внутри себя свою особую личную стабильность, которая включает в себя самоорганизованность, гибкость, готовность к неожиданным изменениям и различным возможным условиям жизни (например, нестабильному Интернету), умение выжимать максимум пользы из времени. Интересно, что подобная стабильность подразумевает психологическую устойчивость как необходимое качество в жизни кочевника, а также устойчивую открытость к новым точкам зрения. Разнообразная жизнь кочевника может способствовать формированию целостности восприятия картины мира благодаря пониманию чужого уклада жизни. Подобное понимание возникает как раз в рамках присутствия, включенности (хотя временной и неполной) в чужой жизненный уклад. В плане открытости миру цифрового кочевника можно в определенной степени сравнить с кочевыми культурами прошлого. Например, турки достаточно свободно переходили от исповедания одной религии к другим, демонстрируя особый динамизм традиционного мировоззрения, духовную независимость и при этом особую чуткость к другим культурным импульсам. Минимализм цифрового кочевника также освобождает от лишнего в личной профессиональной истории, так как отсутствует жесткая необходимость создавать себе успешную историю традиционной карьеры, подобно тому, как кочевые культуры прошлого по сравнению с оседлыми культурами не создавали традиционной оседлой истории цивилизаций. Сущность их оставалась самотождественной, не затрагиваемой цивилизацией. Подобная самотождественность может рассматриваться как возможная сущностная составляющая внутренней стабильности цифрового кочевника.

Ключевые слова: цифровой кочевник; оседлость; «стальная нестабильность»; зона комфорта.

В данном исследовании рассматривается проблема «стабильной нестабильности» в жизни и мироощущении цифрового кочевника, которое в определенной степени близко мироощущению кочевых культур прошлого, в частности, тюркских культур. Изучая цифровое кочевничество, мы, по большей части, акцентировались на тех, чей заработок невысок относительно заработка в границах «оседлой» работы.

В контексте образа жизни цифрового кочевника очевидной для нас стала проблема нестабильности в жизни и мироощущении digital-номада. Дело в том, что в рамках традиционно оседлого подхода, нестабильность кочевой жизни часто оценивается негативно: она воспринимается как отсутствие устойчивости, предсказуемости, контроля, гарантии безопасности. Анализ более ранних подходов к этому феномену в истории и культурологии показывает, что кочевые культуры рассматривались в рамках понятий хаоса, дикости, бесструктурно-

сти, неспособности к развитию, остановки в развитии, отсутствия истории (напр., Н. Я. Данилевский, А. Тойнби) [7, с. 46–50]. Кочевник – тот, у кого нет истории, глубоких корней и крепких традиций. В качестве аллегорического образа, отражающего подобное отношение, может служить средневековый манускрипт в Херефордском кафедральном соборе (примерно 1300 г.), на котором представители кочевого скифского племени иссидонов пожирают тела своих родителей.

Изучение культуры кочевья, однако, развенчало мифы о дикости и несостоятельности, хотя далеко не полностью и не повсеместно. Подобный страх перед кочевьем имеется и в современном обыденном сознании, несмотря на интенсивный и мобильный образ жизни современных людей. Не только цифровые номады, но и вполне «оседлые» сотрудники компаний часто перемещаются в пространстве, вынуждены четко организовывать свой график и выжимать максимум пользы из времени. В случае успеха взамен они получают карьерную и зарплатную стабильность, возможность покупки «оседлого» жилья мечты, автомобиля, яхты мечты и т. п. Правда, у этого есть цена: их жизнь строится, как правило, в рамках бизнес-системы современного мира, что означает игру по определенным правилам.

Цифровые кочевники, безусловно, также играют по правилам, описанным выше, однако это правила другого рода (мы рассмотрим их позже), другой онтологии, мы бы сказали. Зачастую жесткость «оседлых» правил воспринимается ими как отсутствие свободы, что является одной из существенных причин, заставляющих переходить в другую, кочевую культуру мировосприятия. В частности, пока непреложным правилом многих «оседлых» компаний является жесткий график от скольких-то до скольких-то. «Я отвергаю идею работы с 9 до 5. Я хочу исследовать мир, пока светит солнце, а не тратить эти часы на работу в помещении и мечтах о следующем отпуске», – заявляет digital-номад Джей Меистрич [4]. Во многом к цифровым номадам близки фрилансеры, но эти понятия не синонимичны: фрилансеру обязательно быть кочевником.

Шаг в неизвестность кочевой жизни может расцениваться как своего рода прыжок в бездну. Изучение блогов практикующих номад показало, что кто-то из них также стоял перед психологической чертой отказа от «оседлости» и прыжка в неизвестную кочевую жизнь [3]. Однако так представляется взгляду снаружи, причем взгляду предвзятому. Потомки кочевых культур описывают сущность подобной жизни по-иному. В каком-то смысле перед нами две мифологии: внешняя мифология о кочевниках, созданная оседлыми цивилизациями, и собственная, внутренняя, глубоко своеобразная мифология, порожденная в свое время миром кочевья. Последняя основана на осознании собственной самобытности, непохожести на оседло-земледельческие культуры и даже на противопоставлении им, их ценностям и нравам [2]. Безусловно, здесь мы имеем дело с проблемой описания и интерпретации некоего феномена с двух принципиально разных позиций – «извне» и «изнутри». Рассмотрение этой сложной проблемы не входит в задачи нашего исследования, но упомянуть о ней в контексте собственной темы мы посчитали нужным.

Описанию и интерпретации феномена кочевых культур «изнутри» посвящено много научных и художественных произведений, подробное исследование которых также выходит за рамки нашей работы. Попробуем нарисовать образ кочевья в рамках «внутренней» его интерпретации, – образ, который, на наш взгляд, весьма примечательно отражен в статье С. Абдрасулова «Код кыргызов»: Дух кыргыза – кочевника». Здесь отмечены следующие компоненты:

- желание свободы, мобильности и относительной независимости от определенной местности, что вполне естественно выливается в определенный тип хозяйствования, жилища и т.д. [1];
- осознание себя частью природы, согласование, сорганизация своего бытия в унисон с бытием природы без попытки преобразования ее в угоду себе [1];
- отношение к оседлым как к не обладающим свободой: например, казахи – это те, кто остался «верен заветам предков», не перешел к оседлому образу жизни, так как кочевая культура и образ жизни – «самые лучшие и единственно возможные во всем мире» [1, 2];

– упорядочивание, гармонизация внутреннего мира [1], что включает и наличие своеобразного духовно-нравственного социокультурного кодекса (например, для кочевников евразийских степей Яса Чингиз-хана);

– душевные качества, такие как оптимизм, самодостаточность, доблесть, патриотизм, дух товарищества, мобильность, упорство, великодушие, доброжелательность, щедрость, милосердие, гостеприимство, толерантность, умение приспособиться к окружающему миру [1].

Кочевые племена казахов осуществляли органичное сращение социальных форм и методов хозяйственной деятельности с предметом хозяйствования. Для определения пастбищ, стоянок, водопоев, ухода за скотом, его лечения и т. д. требовался наиболее целесообразный и ресурсосберегающий способ ведения хозяйства [7, с. 60]. В данной связи следует отметить, что современные, цифровые, кочевники также настроены на целесообразный и ресурсосберегающий образ жизни, предполагающий следующие сущностные характеристики:

1. Минимализм.

Минимум вещей. Для того чтобы позволить себе более-менее комфортное, финансово приемлемое кочевание, номад должен исключительно рационально подходить к набору возимых собой вещей. Практически все должно целесообразно вписываться в его кочевой образ жизни: наличие практически каждой вещи должно быть рационально оправдано, не должно быть никакого серьезного балласта. Причина тому не только необходимость нести багаж на себе, но и финансовые соображения: например, уложиться в определяемые авиакомпаниями лимитами по багажу [5].

Цифровой кочевник – это, своего рода, человек, идущий в категорийный поход. Правда, и здесь находятся исключения, берущие с собой, казалось бы, мешающие физическому комфорту вещи (ведь все нести на себе), но способствующие душевному балансу (гитара, минителевизор, книги и т. д.). Но исключениям вполне даже место и в жизни цифрового кочевника. К примеру, у Сергея Ларионова, автора блога Zidar.ru, и его жены парапланерное снаряжение занимает 15 кг у каждого, и в оставшиеся 5 кг они умудряются успешно вписать электронику и другие вещи [5]. В таком случае, для цифрового кочевника актуальным становится сверхлегкость и компактность личных вещей, в первую очередь, одежды.

Минимум ценового уровня, в рамках которого номад часто подбирает себе жилье, транспорт и т. п. Говоря словами Брианы Грин, цифрового кочевника, специалиста по маркетингу, «формула ценовой доступности в том, чтобы жить, как местный, используя сервисы экономики совместного потребления, чтобы сократить самые крупные расходы на жильё и транспорт» [3].

Примечательно, что минимализм способен дать кочевнику удивительный максимум возможностей: помимо любимой работы, знакомства с новыми культурами, выбора подходящих в тот или иной сезон климатических условий и пр., номады умудряются даже стать родителями и при этом сохранять кочевой образ жизни.

2. Целесообразность. Минимализм непосредственным образом связан с такой сущностной характеристикой образа жизни цифрового кочевника, как целесообразность.

Это предельно рациональный выбор вещей.

Требуемое качество вещей. Личные вещи должны быть сверхлегкие и компактные, и, в то же самое время, имеющие определенные высокие технические свойства. Как правило, подобные вещи стоят дорого. Важнейшее значение здесь играет выбор **ноутбука**, который для цифрового кочевника столь же важен, как **конь** или **верблюд** для традиционного кочевника, или скот, который пасет и которым кормится кочевник-пастух. Практикующие цифровые номады призывают не экономить на качестве ноутбука [5].

3. Продуманность маршрутов, наиболее выгодного расположения жилья, тщательное предварительное информационное знакомство с новым временным местом локализации и, соответственно, с его нормативно-ценностным полем (законы, нормы, правила, ценности, традиции).

4. Знание иностранных языков.

Стержнеобразующими психологическими качествами, способствующими успешному кочевью, будут, на наш взгляд, следующие:

1. Гибкость, адаптивность, психологическая готовность к неожиданным изменениям и различным возможным условиям жизни, адаптивность к иным культурным реалиям.

2. Психологическая устойчивость к меняющимся условиям, к возможным стрессовым ситуациям, включая непредвиденные конфликтные ситуации.

3. Устойчивая открытость к новым точкам зрения, новым технологиям и т. п. Как метко формулирует это Сергей Ларионов – «понимание (не принятие – именно понимание) чужого уклада жизни» [5].

В плане гибкости, устойчивости и открытости миру цифрового кочевника можно в определенной степени сравнить с кочевыми культурами прошлого, образ которых был в общих чертах нарисован нами выше. Примечательно, что турки достаточно свободно переходили от исповедания одной религии к другим, демонстрируя особый динамизм традиционного мировоззрения, духовную независимость и при этом особую чуткость к другим культурным импульсам.

На наш взгляд, сущность жизни цифрового кочевника можно попробовать описать и понять метафорически, что, собственно, мы и попытались отразить в заголовке данного исследования, сконструировав метафорический парадокс в виде «**стабильной нестабильности**» как «внутренней зоны» комфорта. О чем здесь идет речь? На первый взгляд, для цифрового кочевника одним из наиболее подходящих девизов является «Мой дом – весь мир». Но если вдуматься, мир, по которому кочует номад, – это внешнее пространство, в которое он, с одной стороны, адаптивно встраивается, и которое он, с другой стороны, в определенной степени, также подстраивает под себя (например, столик в кафе или в аэропорту, либо тенистое место под раскидистым деревом временно становятся рабочей зоной). Другими словами, если это и дом, то это само здание. Это внешняя зона, **зона нестабильности**, которая характеризуется весьма размытыми и неопределенными пространственно-временными координатами.

В настоящем доме есть также более личностная, «внутренняя» зона, индивидуальная для каждого, где человеку комфортно просто быть (столовая, рабочий кабинет, кинозал, гостиная, спальня, кресло, гараж и т. д.). Подлинным домашним очагом цифрового кочевника, на наш взгляд, становится его внутреннее пространство, которое, с одной стороны, должно быть удивительно гибким и адаптивным к меняющимся условиям, и, с другой – устойчивым и стабильным. Это внутренняя зона, **зона стабильности**. Что же она собой представляет? В первую очередь, это перечисленные выше основные психологические качества кочевья: 1) гибкость, адаптивность, психологическая готовность, 2) психологическая устойчивость, 3) устойчивая открытость. Таким образом, как бы не менялись условия, цифровой кочевник должен сохранять внутри эти три важнейших компонента своей личности.

Что же еще остается устойчивым и стабильным во внешне меняющемся мире, где пространственно-временные координаты становятся более размытыми и неопределенными? Это способность цифрового кочевника самостоятельно организовывать свою пространственно-временную сетку. Для того чтобы комфортно и успешно реализовывать кочевой образ жизни, необходимо периодическое получение финансовых средств. Для этого требуется четкая организация времени, включающая рационально и целесообразно выстроенный личный рабочий график, высокую самотивированность и силу воли на то, чтобы неуклонно реализовывать этот распорядок. Это также подразумевает гибкость, готовность к неожиданным изменениям и различным возможным условиям жизни (например, нестабильному Интернету), умение выжать максимум пользы из временных зазоров (при необходимости работать в самолете, в автобусе и т. д.). По словам Брианы Грин, порой, в силу внешних обстоятельств, «привычное расписание срывается, и время для работы выкраивается только в аэропорту, или просыпаешься в 5 утра и работаешь, пока интернет не перегружен и работает хорошо» [3].

Как преимуществом, так и недостатком может стать отсутствие у цифровогономада физически присутствующего начальствующего надзирателя. При этом могут существовать дедлайны, установленные удаленным начальником и заказчиком. Если четких сроков сдачи работы нет, то номады-практики советуют устанавливать их самим, чтобы не было потом грустно за бесцельно потраченные на прокрастинацию («откладывание на потом») время и энергию [3].

Для успешной работы нужна и рациональная организация пространственной сетки. Не всегда удаленный остров или безлюдная гора способны стать подходящим местом для создания рабочей зоны (возможное отсутствие Интернета, в первую очередь). Бриана Грин в данном отношении советует локализоваться для выполнения проектов в крупных городах, где лучше работает wi-fi, больше коворкинг-пространств и более спешный и суетный образ жизни, настраивающий на работу [3]. Вообще, такие пространственные метки, как кафе с бесплатным wi-fi и коворкинг-центры, являются весьма важными в цифровом кочевье.

Далее, способность выстраивать внутренне стабильный мир через особое отношение к внешне изменчивому, которое будет восприниматься конструктивно – как возможность внутреннего развития. Опровергая страх «оседлых» культур перед неизвестностью и нестабильностью кочевья, digital-номад способен увидеть в подобной нестабильности бездну возможностей. Минимализм цифрового кочевника освобождает от лишнего не только в вещах, но и в личной профессиональной истории, так как отсутствует жесткая необходимость создавать себе успешную историю традиционной карьеры, подобно тому, как кочевые культуры прошлого по сравнению с оседлыми культурами не создавали традиционной оседлой истории цивилизаций. Сущность их оставалась самотождественной, не затрагиваемой цивилизацией [2]. Подобная самотождественность может рассматриваться как возможная сущностная составляющая внутренней стабильности цифрового кочевника. Разнообразная жизнь кочевника может способствовать формированию целостности восприятия картины мира благодаря пониманию чужого уклада жизни. Подобное понимание возникает как раз в рамках присутствия, включенности (хотя временной и неполной) в чужой жизненный уклад. Безусловно, на все это способны и оседлые люди, но, на наш взгляд, цифровое кочевничество по самой своей сущности способствует этому.

Таким образом, успешный цифровойномад, которого окружает внешняя нестабильность (нестабильное пространство и временные координаты (график, дни работы)), тем не менее, формирует внутри себя свою особую личную внутреннюю стабильность, которая включает в себя самоорганизованность, самомотивируемость, свободу как выбор возможностей, отношение к нестабильности как к возможности развития, гибкость, адаптивность, психологическую готовность к новому и неожиданному, психологическую устойчивость, устойчивую открытость к новому и иному, самостоятельная организация своей пространственно-временной сетки, самотождественность. В случае неуспешности создания внутренней стабильности, помимо прочих вероятностей, существует значительная вероятность к вынужденной седентаризации (возвращению к оседлому образу жизни).

Литература

1. Абдрасулов С. «Код кыргызов»: Дух кыргыза – кочевника // Kgcode.akipress.org. 11 января 2012. URL: http://kgcode.akipress.org/unews/un_post:1150 (дата обращения: 20.02.2016).
2. Альжан К. У. Мировоззренческие и концептуально-методологические основания интерпретации феномена номадизма // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 39–48. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=731&Itemid=52 (дата обращения: 25.02.2016).
3. Бочкарева Е. Истории. 11 полезных ресурсов для цифровых кочевников // Rusbase.com. 21 октября 2015. URL: <http://rusbase.com/story/11-sajtov-ekonomiki-doveriya/> (дата обращения: 25.02.2016).
4. Как основать стартап в путешествии // InsiderPro.ru. 30 января 2015. URL: <https://insider.pro/ru/article/5100/> (дата обращения: 03.04.2016).
5. Как стать цифровым кочевником // Zidar.ru. 30 марта 2014. URL: <http://zidar.ru/2014/03/30/how-to-become-digital-nomad/> (дата обращения: 25.02.2016).

6. Кунанбаева А. Кочевая цивилизация как искусство интерпретации // Музыкальная академия. 2006. № 1. С. 10–15.
7. Шайкемелев М. С. Казахская идентичность / под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. 272 с.

“STABLE INSTABILITY” AS AN INNER COMFORT ZONE OF THE DIGITAL NOMAD

Svetlana V. Shibarshina, PhD, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod).
E-mail: svet.shib@gmail.com

DOI: 10.17223/9785946216104/45

Abstract. The article focuses on the problem of instability in digital nomad’s life and attitude to the world. Within the traditionally domiciled approach, the instability of a nomadic life is often viewed adversely as the lack of sustainability, predictability, control, and security guarantees. A step into the uncertainty of a nomadic life can be regarded like a jump into the abyss. It is noteworthy that keeping to minimalism (minimum things, looking for minimum price for a place to live, transportation, etc.), a nomad yet can get surprisingly maximum possibilities. Besides the pleasant job, acquaintance with new cultures, selection of climatic conditions appropriate for this or that season, etc., nomads even manage to become parents while retaining a nomadic lifestyle. Thus, what remains stable and steady in the changing external world where space-time coordinates are becoming more blurred and vague? We believe that, foremost, it is the digital nomad’s ability to independently organize their space-time grid, including their daily routines. Then, it is the ability to build an inner stable world through a non-standard attitude to the external world, the changeability of which will be viewed affirmatively, as the possibility to inner changes. The nomads build their own personal stability, which includes self-organization, flexibility, preparedness to unexpected changes and various situations (e.g., unstable Internet connection), and the ability to squeeze the most out of time. It is interesting that such stability implies psychological sustainability as a necessary element in a nomad’s life, and it implies a stable openness to new viewpoints. The varied life of a nomad can help to foster the integrity of the world-picture through understanding other people’s way of life. Such understanding arises only under the presence and inclusion (though temporary and incomplete) in a foreign way of life. In terms of openness to the world, the digital nomad can to some extent be compared with the nomadic cultures of the past. For example, the Turkic peoples went quite freely from one religion to another, demonstrating the dynamism of their traditional worldview, spiritual independence and at the same time a special sensitivity to other cultural impulses. The minimalism of the digital nomad also liberates from the excess in the personal professional history, as there is no need to create a rigid successful story of the traditional career, just like the nomadic cultures of the past, as compared to sedentary cultures, did not create the traditional domiciled history of civilizations. The essence of them remained self-identical, not affected by civilization. Such self-identity can be considered a possible essential component of the internal stability of the digital nomad.

Key words: digital nomad; settled lifestyle; instability; comfort zone.

УДК 378:14 : 316.444/77 : 004.77
DOI: 10.17223/9785946216104/46

NOMADISM VS. KNOWMADISM: НОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА?

М. Г. Шилина, д-р филол. наук, профессор,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Россия, Москва)
E-mail: marina.shilina@gmail.com

Аннотация. Во втором десятилетии XXI века все интенсивнее проявляются черты гибридной, реально-виртуальной, онтологии сетевого цифрового общества (Э. Галажинский). Сетевое общество, организованное как ризомное пространство, функционирует децентрализованно, номадически. Номадизм (Ж. Делез) оказывается по многим основаниям императивом современного социума. Цифровое кочевничество занимает существенное место среди актуальных социоэкономических и социокультурных практик. Согласно Google Trends (2016), к 2020 году половина работающих американцев станут фрилансерами, то есть потенциальными номадами physical&digital, фиджитал-универсума. Доступность технологий, упрощение логистики сегодня ведут к экспоненциальному росту мобильности и формированию новых страт цифровых номадов поколения digital natives. Номадизм как фактор Entrepreneurship Economy определяет востребованность новых компетенций и профессий, которые пока не выходят за границы привычных, цифровых. Однако быстрое разви-